

**Biblical Images in the Poetry of Symbolism: Methodology of Analysis
(On the Example of the Image «Last Judgment» in the Poetry of
M.Voloshin)**

Koshemchuk Tatjana Alexandrovna¹

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: March, 2017; date of acceptance: September, 2017)

Abstract

The article deals with transformations of biblical images in the poetry of symbolism, wishing to break into the sphere of theology. Mythological poetry of M. Voloshin is in the center of the article. The image of the great religions of the world, the Last Judgment is analyzed. The main attention is focused on the stages and methods of analyzing the image of tradition in the poetry of the Silver Age. Their aim is to avoid mistakes in interpretation and evaluation, to identify the new that the poet gives in his conception as a result of transformation of the image. The process is shown to start with traditional wide commentary of the image, then all the material is divided into the essential and close to the poet's ideas and not important for him; then we see the new idea of the poet and the old components given in previous transformations of the image, by the way the wrong interpretations of the image are eliminated when we take into account the whole conception of the poet. As the important result we observe the new creation as the new knowledge given by the poet.

Keywords: Silver Age Poetry, Symbolism, Tradition, Interpretation, Last Judgment.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru

**Библейские образы в поэзии символизма: о методологии
анализа (на примере образа Страшного Суда в творчестве
М. Волошина)**

Кошемчук Татьяна Александровна¹

Профессор Санкт-Петербургского аграрного университета,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: март 2017 г.; дата принятия: сентябрь 2017 г.)

Аннотация

В статье рассматривается характер трансформации библейских образов в поэзии символизма, сознательно вторгающегося в область богословия. В центре внимания – творчество М. Волошина, поэта-мифотворца. Анализируется образ великих религий мира – Страшный Суд, на примере которого показаны этапы и методы анализа образа традиции у поэта Серебряного века. Их цель – избежание ошибок интерпретации и оценки, и выявление того нового, что дает поэт в своей концепции в результате трансформации образа. Показано, как начальный комментарий, набор сведений о главном анализируемом образе, расчленяется на существенное и родственное для волошинской мысли и побочное; на фоне первого выявляется знакомое, прозвучавшее в иных трансформациях образа у поэта, – и новое, ранее не бывшее; при этом отсеиваются ложные интерпретации – при учете всего контекста темы у поэта. В итоге дается главное – новое знание, которое дает поэт.

Ключевые слова: поэзия Серебряного века, символизм, традиция, интерпретация, Страшный Суд.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-34-00032.

Введение

Библейские тексты неотъемлемы от европейской поэзии, становятся ли сами сюжеты толчком для поэтического творчества, рождаются ли их образы в потоке ассоциаций как его элементы, – так или иначе всегда образ традиции, выполняя в тексте поэта то или иное задание, подвергается определенной трансформации. Характер ее меняется от эпохи к эпохе, имеет свои особенности у каждого поэта. Для поэта-символиста – такова изначальная посылка в дальнейших размышлениях – библейский образ есть отправная точка для личного гнозиса, для личного переживания идеи – некоего нового знания о мире. В настоящее время, когда Серебряный век все чаще становится объектом критики и обличения, точный вес и верная оценка особенно значимы, и их основание – тщательный анализ используемых поэтами-символистами религиозных образов и созданных на их основе концепций.

Основная часть

Если любой поэт, пишущий на религиозную тему, поневоле вносит новые нюансы в свою интерпретацию образов традиции, то поэт-символист с полной осознанностью и теоретической оправданностью вторгнется в сферу богословия, погружаясь в символические значения образов и сюжетов, извлекая своим проникающим усилием их сокрытые смыслы, – подготовленный, как правило, философскими и религиозными штудиями, опираясь на свою, христианскую традицию и имея опыт погружения в иные религиозные и мистические учения.

Характерный пример – поэтические претворения темы Страшного Суда. Она укоренена во всех великих религиях, в писаниях пророков, в Новом завете, в святоотеческих творениях, а также в мусульманской традиции. Известно, что Владимир Соловьев использовал и христианские, и мусульманские источники, обобщая материалы для своей «Краткой повести об

Антихристе». Этим произведением он неотразимо привлек внимание русских символистов к теме конца мира и, тем самым, Страшного Суда – к одной из тех тем, которые во всех названных источниках предстают в удивительном единстве и созвучии. Так, формула, данная М. Волошиным (Волошин 2004. 62):

*И каждый
Внутри себя увидел солнце
В Зверинем Круге...
И сам себя судил. –*

завершающие строки стихотворения «Суд» созвучны теме во всех великих традициях, ибо здесь лаконично и емко выражена общая мысль о том, что посмертная участь человеческой души определяется самим человеком, который на Суде видит свою книгу жизни, ранее сокрытую, – и тем самым судит себя. Один пример из многих – слова преподобного Ефрема Сирина: «Тогда станут они осуждать самих себя и дела свои, какие сделали» (Преподобный Ефрем Сиринос 2002. 444). Волошин лишь акцентировал человекоцентричность события Суда, не как внешнего наказания и возмездия, но как глубоко внутреннего акта, придав звучанию темы лаконичность и выразительность.

В поэзии Максимилиана Волошина (она здесь будет материалом для иллюстрации), дан образ Страшного Суда и в ином ракурсе: изменение мироздания, всего космического строя: Солнце погаснет, Луна изменится, небо свернется, звезды упадут – схожие подробности даются в видениях разных традиций. Все великие духовные памятники говорят о свороте всего видимого космоса, Волошин же акцентирует: стоящий над всем космосом Человек, смысл и осуществленная цель космической истории, не пройдет. Ведь и по писаниям святых отцов, космос был сотворен, солнце, луна и звезды

был создан Творцом «ради человека», и мысль Волошина созвучна тому: Человек остается непреходящей ценностью преходящего космического эона.

В волошинской синтетической концепции образ мира дается в библейском развороте от дня Творения и до дня Суда – так что тема Последнего часа встает с неизбежностью уже в силу космического размаха его космофических размышлений, углубленных антропософскими сообщениями об истории мира. Эта история мира мыслится Волошиным как ряд ступеней, этапов-переволплщений, по которым совершается восшествие человеческой индивидуальности: «Мир – лестница, по ступеням которой / Шел Человек...» (Волошин, 2004. 8).

Трудности понимания волошинской концепции велики. Одна из них – невольное стремление измерить идеи поэта их соответствием традиции, так что наличие сходных мотивов дает основание говорить о православии поэта, а явные отступления от нее позволяют, например, одному из православных священников доказывать в одной из интернет-публикаций, что Волошин заслуживает анафемы. У Волошина действительно есть идеи, выходящие за рамки православного богословия, которые ему тем не менее (и эту мысль стоит тщательно обосновать его исследователям) по духу глубоко созвучны. Так, в приведенном выше фрагменте: Солнце в зодиакальном круге человек в своем посмертии увидит *внутри* себя – здесь поэт выражает пережитую им мысль о том, что весь космос станет *внутренним* миром человека, и истоком для этого поэтического переживания была антропософия.

Из многообразия и даже противоположности оценок волошинских идей вытекает с очевидностью необходимость скрупулезного их выявления и точного понимания. Конечно, первым этапом станет комментирование – на чем часто и останавливаются исследователи в своих статьях – проработка историко-культурной, мифологической, философской и религиоведческой их основы. Если исследователь произвольно останавливает свой взор на

отдельных, бросающихся ему в глаза ассоциациях, из близких для него идейных течений, то он рискует приписать Волошину собственные взгляды. Так Э. Розенталь полагал, что Волошин был почти атеистом, не верившим в Бога, что ему были близки идеи Маркса. Антропософы говорят о Волошине-антропософе. Перед исследователем стоит труднейшая задача – охватить в себе всё то, что охватывал, из чего исходил сам Волошин, и более – нужно вслед за поэтом всё это ЗАБЫТЬ – такова одна из волошинских категорий: забвение как окончательное усвоение. И сами по себе указания на то, что и откуда у поэта «взято» и к чему «близко» – это еще весьма далеко от понимания. Важно избежать наивного стремления «прикрепить» волошинские мысли непременно к тому или иному учению, и тем самым как бы сделать для себя удобоваримыми. По словам Андрея Белого, «сумма всех влияний ничтожна в сравнении с "новым качеством", выявленным из химии соединения суммы влияний, и кроме того: разлагать писателя на "влияния" и суммой их характеризовать писателя – все равно, что характеризовать "Войну и мир" тем, что в наборе все буквы встретятся от "а" до "я"» (Белый, 1934. 38). Итак, исследователю стоит из всего круга увиденного как близкое, от «а» до «я», то есть из вообще ВСЕГО, выбрать существенное для Волошина – по закону избирательного сродства, и с учетом собственно волошинского познавательного метода, выношенного им на путях усвоения мудрости мира опознать в итоге в его поэтических идеях не соединение разного, но избирательную переплавку в духе собственного, изначально данного мировидения, в процессе его прорастания и углубления. Рост великого дерева возможен лишь на основе прочного и прямого ствола. И если Волошин говорит, что до встречи с антропософией он «мыслил исключительно в ее категориях» («и впредь буду мыслить не иначе», – добавил поэт) (Волошин, 2011. 348–349), то речь идет именно о познавательном методе, который в Штейнере дал небывалые ранее плоды, с которыми и соотносил Волошин свое

миропонимание на протяжении всей дальнейшей жизни. У нас нет ни одного свидетельства, которое могло бы поставить под сомнение эту ключевую посылку для понимания антропософии как ствола (метода), держащего всю крону древа.

Так, уже на предварительной стадии комментирования осуществив строгий отбор существенного для конкретной волошинской идеи из спектра сродственного ей, мы не поддадимся искушению случайных сопоставлений (Волошина и еще кого-то...): когда из двух возведенных архитектурных сооружений выбраны отдаленно сходные кирпичики или фрагменты – и сходство их ничего не говорит о сути дела. Или же созвучны сами принципы построения, схожи фундаменты – тогда сопоставление может быть говорящим и продуктивным. Если, например, идеи и познавательные принципы Гете были близки Волошину, то нужно показать, КАК развились они в его собственном творчестве. И тогда комментарий будет постепенно перерастать из распознавания отдельных фрагментов здания – в понимание замысла всей конструкции поэта.

Следующая задача – осуществление главного и захватывающе интересного, без чего предыдущее бессмысленно: проследить прорастание из всего «забытого» по законам и в логике волошинской мысли – собственных, волошинских идей. Даже когда мы говорим о соответствии идей поэта Библии или отеческим писаниям, речь идет менее всего о заимствовании или переложении (у Волошина так, у иных поэтов возможно иначе), но о соответствии, со-звучии, о собственном интонировании когда-то усвоенного и *забытого*, и о развитии из себя, из своего познавательного метода – созвучной мысли. Так в мысли о Суде как Суде человека над собой мы отмечаем это новое и ярко акцентированное: судил САМ, СЕБЯ. Что в пересечении с другими его стихотворениями на ту же тему нимало не умаляет роль Бога как грозного Судьи, ведь в гимне Богоматери звучит полярное:

*В грозный час,
Когда над нами —
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут... —*

Так описывается грозный и страшный Суд, опять же, сворачивающий всю Вселенную. И предстательницей за человека, которого судит грозный Бог, будет Божья Матерь:

*В час последний
В тьме кромешной
Над своей землёю грешной
Ты растелешь плат —
Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе — одесную
Агнцу предстоят...
...Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзённой духом глины,
Без изъята — навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного суда.*

Здесь заступничество Богоматери – волошинская идея усиливает тему милости к человеку, контрастным фоном ей может стать фреска Страшного Суда Микеланджело, на которой кроткая Божья Матерь лишь робко

приютилась сбоку гневного и проклинаящего грешников Сына, не видящего Ее. В волошинской поэме Богородица до конца с человеком – чем усиливается не полюс гнева в теме Суда: «Тогда мучимые возопиют ко Господу – и не услышат их» (Преподобный Ефрем Сирийский, 2002. 444) – но милости, ибо всё, чего НЕ сделал обличаемый на Суде человек («О, племя упрямое! / Я стучал – вы не открыли, / Жаждал – вы не напоили, / Я алкал – не накормили, Я был наг – вы не одели...»), – сделала Она: «Я одела, я кормила, / Чресла Богу растворила, / Плотью нищий дух покрыла, / Солнце мира приютила / В чреве темноты...».

Так мы еще раз убеждаемся в очевидном: для верной оценки и тем более обвинений (например, в отрицании Спасения) нужно учесть всё высказанное Волошиным, ибо в творчестве поэта-символиста стихотворения складываются, восполняя друг друга, в стройные концепции. Без учета целого понимание невозможно, и критика, к которой столь склонен современный исследователь, может оказаться необоснованной.

К тому развернутый пример – образ Страшного Суда из венка сонетов М. Волошина «Lunaria», в таинственных, мерцающих тайными смыслами стихах, возводящих лунную тему к ее конечным судьбам. В венке сонетов дано также и начало, исток ее в космической истории. Феномен лунного мира дан в глубоком созерцании, в воздействии его на телесную природу и душу человека в жизни и в посмертии, в его духовном основании, предземной истории и в его конечной судьбе. К последнему аспекту принадлежат выделенные строки, не раз вызывавшие недоумения литературоведов:

*Но в День Суда единая порфира
Оденет нас – владычицу с рабой,
И пленных солнц рассыпется прибой
У бледных ног Йошуа бен Пандира.*

Предварительная работа – собирание материалов о ключевой здесь фигуре – Бен Пандире во всевозможных словарях и энциклопедиях, которые дают отсылку к талмудической литературе и в двух версиях преподносят Бен Пандира (Бен Пандиру – Пантеру) либо как сниженный образ Христа, либо, под вопросом, другой личности, жившей до Христова пришествия в 1 веке до нашей эры. Первой версии придерживался и друг Волошина, поэт, литератор, меценат М. О. Цетлин, писавший под псевдонимом Амари: «В Волошине все раздражает обывателя: и изысканная эрудиция (кто догадается, что Иошуа бен Пандира — это Иисус Христос?). И склонность к оккультизму, и глухоторжественная манера читать стихи, и любовь к парадоксам и нелюбовь к Репину» (Цетлин 1918. 3). Догадка Цетлина тем не менее неверна или же верна приблизительно, на подступах к тем имевшимся у Волошина сведениям, которые его друг обозначил как им проблематически оцененную «склонность к оккультизму». Исходя из сведений, почерпнутых Волошиным у Р. Штейнера, речь идет именно о мудреце и посвященном, человеке, а не Богочеловеке, – Пандире из общины ессеев. И в самом общем смысле речь пойдет *о целом космосе – у ног человека*.

Так или иначе – исследователь серебряного века мгновенно распознает в контексте темы Страшного Суда из лунного волошинского венка точную цитату из скандально-известного стихотворения В. Брюсова в одну строку: «О закрой свои бледные ноги...». Брюсовский ранний эпатаж этого моностиха, проникший в зрелое произведение Волошина, не может не изумить и не стать толчком к размышлениям. Нужно здесь вспомнить и пародийную строку В. С. Соловьева, продолжение к брюсовскому стихотворению: «Ибо иначе простудишься» – в адрес особы, вероятно, «страдающей малокровием» (Соловьев 1914. 168). С другой стороны можно принять во внимание и брюсовское объяснение, что речь идет о Распятии, об обращении к распятию, «католические такие бывают "раскрашенные"», будто бы сказал сам Брюсов –

свидетельства за или против этой брюсовской версии собраны в статье В.В. Полонского «Брюсовский подтекст в венке сонетов «Lunaria» (Полонский 2000.101). Надо отметить и возможную связь темы «бледных ног» со стихотворением С. Малларме «Дар поэмы» ("Don du poete"). Так или иначе, брюсовский пикантный эпитет, возможно что и невольно возникший в потоке образов лунного венка у Волошина как мгновенный иронический выброс, этот штрих в волошинском контексте – здесь говорит интуиция исследователя – невозможен в применении к Христу. Ведь Волошин не Брюсов, который хотел «прославить» и Господа, и дьявола. Ничем подобным Волошин не грешен.

Ведь в строжайше продуманной концепции венка, по словам поэта, все обосновано и Пандир здесь «УМЕСТЕН И НЕОБХОДИМ» (Волошин 2011. 79). И этот легкий штрих («бледные») в сложнейшей гностической концепции, возможно иронически (впрочем, для иного слуха этого вовсе нет) интонирует на миг (лишь на миг: он ничем не поддержан в венке) образ человека – не Богочеловека.

В усилиях комментирования внимательный исследователь далее, в поисках разгадки, найдет дополнительные подробности о Бен Пандире в антропософии, из которой, как известно по волошинским письмам и острым спорам с Маргаритой Сабашниковой, из его собственных объяснений, – импульсировалась лунная волошинская концепция. И тогда станет понятно, что у Волошина Пандир – не талмудическое снижающее восприятие Христа, а некий высокий дух, воплощенный в 1 веке до нашей эры, глава ессеев, предвещавших Христово пришествие, о чем сообщает Штейнер: эта индивидуальность хорошо известна в оккультизме. Но также и внешне, через талмудическую литературу – говорит Штейнер, и тем самым поддержана вторая талмудическая версия, но дана в антропософии в своем внутреннем содержании: Бен Пандир был побит камнями за ересь, согласно которой ожидался новый импульс для человека на земле, так что его «я» не утратится с

концом земного существования (эти сведения мы находим в 123 томе Полного собрания сочинений Рудольфа Штейнера). По сути, речь в этой «ереси» для ветхозаветного мира шла именно о будущем Христовом Пришествии и воздействии Его на все мироздание.

Итак, речь идет о человеке Пандире, о мудреце и мученике за свое провозвестие. Но почему все же Волошин в теме Суда говорит не о Христе, вопреки нашим ожиданиям? Этот же вопрос может звучать так (в одной из исследовательских версий): почему на Суд человек приходит не к Христу, а к... Пандиру. Отсюда ведь и был сделан вывод: волошинский сонет есть «перверсия христианской эсхатологии». Этот тяжелейший упрек, и совершенно несправедливый, ставится Волошину в блестящей статье о венке сонетов «Lunagia» (Полонский, 2009). Более того, в ней усматривается, на основании повышенного внимания к брюсовскому слову, означившему для автора статьи «осмеянную мистику» (Полонский 2009. 103), – «космическая ирония» Волошина по отношению к свету. А ведь и в брюсовской строке, скорее, все же иное, а космическая ирония Волошину просто придумана без всяких обоснований.

Дело ведь в том, что в волошинском тексте человек НЕ приходит на Суд к Пандиру. В приведенном же упреке мы видим, что исследовательский обличительный произвол даже не стремится опереться на общий смысл произведения и вникнуть в саму концепцию (так, Луна в волошинском венке – не третье воплощение Земли, а небесное тело, возникшее в четвертом цикле, в котором повторяется, как в онтогенезе филогенез, предшествующее развитие).

И здесь нужно вернуться к нашей процедуре проникновения в смысл образа. Итак, Пандир, посвященный дохристианской эпохи, – человек. У его ног в Судный день, по мысли сонета, солнца, то есть все видимые материальные тела (*пленные* духовные сущности) рассыплется прибоем. Мы смотрим теперь шире – учитываем не только сам образ Пандира в теме Суда, а

его контекст: космический размах темы, Луна, Солнце, Земля и звезды... и для точной оценки вникаем в волошинскую космофию, в обрисованную Штейнером пульсацию вселенной – четыре этапа становления Земли, которые обозначены символическими именами: Сатурн, Солнце, Луна, Земля (см.: Очерк тайноведения»). О первых двух у Волошина написаны два одноименные стихотворения, причем так, что теперешнее небесное тело есть напоминание о предшествующей Вселенной. Луне – нашей Луне как она есть по преимуществу с отдельными воспоминаниями о предшествующем лунном этапе, оставившем нам свое наследие, – целый венок сонетов. Согласно штейнеровскому сообщению (созвучному современным гипотезам о возникновении Луны) наша Луна выделилась когда-то из земного тела, а согласно волошинскому четверостишию, вновь соединится с землей – в день Суда: Волошин говорит о *единой порфире*, покрывающей два небесных тела... когда *прибой* звезд обратится к ногам Человека. И мы прежде погружения в этот круг мыслей видим и еще раз формулируем, чтобы упрек в перверсии эсхатологии и отрицании Спасения нас более не тревожил: речь совсем не идет о приходе Человека на Суд, здесь мысль об ином: о космическом изменении Вселенной в День Суда.

И здесь мы за пределами комментирования, даже антропософского, но в приближении к самой волошинской МЫСЛИ в ее самобытности... Вспомним еще раз: Волошин говорил о «Lunagia», не только то, что там все обосновано, но еще и «МНОГОЕ УГАДАНО» (Волошин 2011. 78). Поэзия (читаем: волошинская поэзия) не пересказывает известного (что только и способны учесть мифопоэтически ориентированные комментарии), а стремится в область незнаемого; она не иллюстрирует и оккультные истины (и уж тем более мифологические сведения), а угадывает, открывает новое. Таково волошинское понимание (своей) поэзии. И потому оценка подобной мысли, стремящейся в неведомое, требует соответственной – оккультной – оценки.

Что, разумеется, выходит за пределы литературоведческого анализа. Лишь один из авторов исследований о Волошине решает на это: он вскрывает оккультную ошибку в венке сонетов, когда Волошин связывает лунный космос с Люцифером (Г.Ф. Пархоменко), и это уже шаг не только за пределы филологического подхода. Но тем не менее – такова основная идея текущего размышления: и в литературоведческих, и в специально антропософских работах исследователю важно по возможности понять поэта в том НОВОМ, которое он дает. Если уж мы имеем дело с одним из поэтов-символистов, не просто допускавших свободное творчество в духовной сфере, но прямо требовавших его от поэта, этого восходящего движения от реального – к реальнейшему.

В нашем примере: Бен Пандир – не сниженный в талмудической версии Христос (это мы поняли на основе комментария), но: Его предвестие, слабый проблеск; Пандир есть носитель мудрости в ветхозаветном строе, «лунном» в отношении к грядущей «солнечности» христианства. Лунная вселенная – давнопрошедшее земной истории, с Луной Землю связывает прошлое – сама она, ее видимый знак на небе есть символ этого космического прошедшего: «Ты жадный труп отвергнутого мира, // К живой Земле прикованный судьбой...». Для Волошина Бен Пандир – отраженный и опережающий *лунный* свет – перед восходом Солнца, слабый и... да, *бледный* свет.

Нам нужно учесть тонкие смыслы волошинского образа, того нового, что дает именно он... Пандир, человек, оказывается достаточен в теме Суда – над всем космическим прошлым, над ритмическим «прибоем» звездных миров, и все они исчезнут, изменятся, *рассыплются*, с прекращением земного этапа – у ног ЧЕЛОВЕКА, незыблемой и высшей цели всех космических процессов, величественных драм и трагических катастроф. «Человеческий дух древнее, чем земля и звезды», – выражал Волошин свое знание, а мир – «лестница», по которой поднимался человек.

Об этом ракурсе прошлого ведется речь у Волошина – об обращенности Земли к Луне, и Суда – к общности Земли и Луны в этой величественной космической драме: в Судный день они соединятся, а «пленные солнца», их прибой – лишь волны, бегущие к ногам Человека. Здесь, как выразилась однажды Е. Герцык, «эзотерическое углубление» космической истории: она человекоцентрична (всё в ней ради Человека). И в этом лике Человек (Пандир) ВЫШЕ космоса, который весь как волны – ради него и весь космос рассыпется в последний Час –

*...когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на суд...
...Солнце мраком обернется,
И, как книга, развернется
Небо надвое... (Волошин 2004. 99)*

Тогда настанет решительный час предстояния Божьей Матери – за человека.

Но Волошин писал и о событии Христова Пришествия:

*Он придет не в силе и не в славе,
Он пройдет в полях, как тишина.
Ничего не тронет и не сломит,
Тлеющего не погасит льна
И дрожащей трости не преломит.
Не возвысит голоса в горах,
Ни вина, ни хлеба не коснется,*

Только всё усталое в сердцах

Вслед Ему с тоскою обернется...

Поэт говорит о Пришествии Его: «не в силе и не в славе» – как будто в образном нюансе, отличным от традиции, речь идет о приходе не в теле физическом и плотном: Он ни к чему земному не прикоснется, но в теле тонком (эфирном). Тихим и нежным видится поэту это духовное Событие последних времен, Его приход – к уставшим душам, пережившим все события перед концом мира, – поэт невольно соотносит эту усталость со своей, в апокалипсических событиях революции («Мы пережили илиады войн и апокалипсисы революций...»). И здесь вновь мы видим волошинскую сложность образа, здесь им дан Лик кроткий как необходимое восполнение к Лику гневному – один без другого невозможен, и лишь вместе эти Лики дают необходимую для мысли глубину.

В этих ракурсах единой темы, которую необходимо обозреть сразу всю, не принимая фрагмент ее за целое, всю волошинскую историю Космоса, венец которой СУД. И в этом ракурсе темы, в обращенности к человеку, к итогу – к Новой земле, к человеческим сердцам Пандир, конечно, невозможен. Здесь именно Он – Христос.

Но вернемся еще раз к Пандиру, ибо здесь завершается в Час Суда – прошлое: кончается, сворачивается история космоса – у этих «бледных ног». Да, здесь «все обосновано», и все же... Волошин ощущал проблематичность «Пандира», так хорошо рифмующегося в сонете со словом «порфира», это становится понятным из контекста его споров с М. Сабашниковой, которая упрекала его в путанице и отступлениях от учения Штейнера о Луне, ведь соединил Пандира с Луной (он как Луна перед Христом-Солнцем) сам Волошин – у Штейнера впрямую этого нет, и Маргарита возмущена именно тем новым, что дает волошинское интуитивное прозрение. Но в итоге Пандир

Волошиным у себя – оправдан, это будет еще понятнее, если учесть волошинское же признание, о том что подход к прошлому в этом венке – люциферический, то есть обращенный к прошлому в его системе знания и понимания. Связь Пандира с Луной (дохристианского человека – с Луной как прошедшим Земли) – шаг его личного гнозиса, в котором он не отталкивался от предшествующего знания, но открывал новое. Характерно, что М. Сабашникова не допускала подобных новаций, в соответствии со своей, угаданной Волошиным, «тайной мыслью»: на это имеют право лишь знающие, провидцы, адепты, а не поэты. «Стихи пишутся не о том, что знаешь, а о том, что чувствуешь, о чем догадываешься. Они говорят не об объективной истине, а о том, что переживает и познает моя «Я» на одной из промежуточных ступеней» (Волошин 2011. 78) – такова противопоставленная упрекам в путанице позиция Волошина, ведь, по его мнению, творчество должно «стучаться туда, в ту область, которой я еще не знаю» (Там. 79).

Заключение

Итак, выявление нового слова поэта в русле его темы есть задача исследователя, как соиздание нового познания было делом поэта-символиста. Отношение к самой задаче может быть неоднозначным. Можно принимать эту позицию и тем самым воспринять глубинный импульс эпохи символизма – или обличать его как ересь; видеть здесь новое творчество в его сложных отношениях с традицией – или духовное надмение и люциферизм. В любом случае важно понимать, что волошинский взгляд на поэтическое новое творчество, стремящееся в оккультную или религиозную области, есть знак времени – в этом сказывается органическая связь Волошина с эпохой символизма. Убедительность же и глубину самой идеи, явленной поэтом, всякий раз нужно исследовать тщательно и непредвзято (что мы и пытались

сделать в статье). Тон же, который задает Волошин в своих размышлениях о Луне и о Страшном Суде, – благоговение. Поэт указывает на многие тайны мира в венке сонетов, благоговейно признавая их величие: «И пред тобой, – пред тайной глубины, // Склоняюсь я в молчании великом, // Жемчужина небесной тишины».

Литература

- 1- Белый А. (1934), *Мастерство Гоголя*. М.–Л., Изд-во «ОГИЗ».
- 2- Волошин М.А. (2004), *Собрание сочинений*. Т. 2. М., Изд-во «Эллис Лак».
- 3- Волошин М.А. (2011), *Собрание сочинений*. Т. 10. М., Изд-во «Эллис Лак».
- 4- Ефрем Сирин, прп. (2002), *Избранное*. М., Изд-во «Правосл. братство св. ап. Иоанна Богослова».
- 5- Полонский В.В. (2009), *Брюсовский подтекст в венке сонетов «Lunaria» // Творчество Максимилиана Волошина: Семантика. Поэтика. Контекст: Сборник статей*. М., Изд-во «Азбуковник».
- 6- Соловьев В.С. (1914), *Русские символисты // Соловьев В.С. Собрание сочинений*. Т. 7. СПб., Изд-во «Просвещение».
- 7- Цетлин М. (1918). *Макс. Волошин // Понедельник*. № 8. 9 (22) апреля.

Bibliography

- 1- Belyj A. (1934), *Masterstvo Gogolja*. M.–L., Izd-vo «OGIZ».
- 2- Voloshin M.A. (2004), *Sobranie sochinenij*. T. 2. M., Izd-vo «Jellis Lak».
- 3- Voloshin M.A. (2011), *Sobranie sochinenij*. T. 10. M., Izd-vo «Jellis Lak».
- 4- Efrem Sirin, prp. (2002), *Izbrannoe*. M., Izd-vo «Pravosl. bratstvo sv. ap. Ioanna Bogoslova».
- 5- Polonskij V.V. (2009), *Brjusovskij podtekst v venke sonetov «Lunaria» // Tvorchestvo Maksimiliana Voloshina: Semantika. Pojetika. Kontekst: Sbornik statej*. M., Izd-vo «Azbukovnik».
- 6- Solov'ev V.S. (1914), *Russkie simvolisty // Solov'ev V.S. Sobranie sochinenij*. T. 7. SPb., Izd-vo «Prosveshhenie».

7- Cetlin M. (1918). *Maks. Voloshin* // Ponedel'nik. № 8. 9 (22) aprelja.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk Tatjana Alexandrovna (2018). Biblical Images in the Poetry of Symbolism: Methodology of Analysis (On the Example of the Image «Last Judgment» in the Poetry of M.Voloshin), *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp:45-63.

DOI: 10.29252/iarll.11.45

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-129-en.html>



تمثال‌های انجیل در اشعار سمبلیسم: روش‌شناسی آنالیز و تحلیل (بر اساس تمثال روز قیامت در آثار م. والوشین)

تاتیانا الکساندرنا کاشمچوک^۱

استاد گروه زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی کشاورزی سن‌پترزبورگ،

سن‌پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۷)

در مقاله حاضر به بررسی ویژگی‌های تغییر و تحول تمثال‌های انجیل در آثار سمبلیسم، که به صورت آگاهانه وارد مفاهیم الهیات شده است، پرداخته می‌شود. در این مقاله توجه ویژه‌ای به آثار م. والوشین به عنوان شاعر خالق اسطوره شده است. تمثال ادیان بزرگ دنیا – روز قیامت – مورد بررسی قرار می‌گیرد که بر اساس آن روش‌شناسی و مراحل آنالیز تمثال سنت در آثار شاعر سده نقره‌ای مورد مطالعه قرار می‌گیرند. هدف از آنها جلوگیری از خطاها و اشتباهات در فهم، درک، تفسیر و شناسایی پدیده‌های جدیدی است که شاعر به آنها در نظریات خود در نتیجه تحول تمثال‌ها می‌رسد. در مقاله حاضر به این مهم اشاره می‌شود که چگونه توضیحات اولیه، و مجموعه‌ای از اطلاعات پیرامون تمثال مورد آنالیز به دو بخش: اصلی و نزدیک به طرز تفکر والوشین؛ و فرعی تقسیم می‌شود. در بخش اول به تحول شناخته شده جدید تمثال که پیش از این وجود نداشت اشاره می‌شود. علاوه بر آن تفاسیر کاذبی نیز وجود دارند که با توجه به بطن کلی موضوع در آثار شاعر نمایان می‌گردد. در پایان دانش و معرفت جدیدی که شاعر ارائه می‌دهد، مورد بررسی قرار می‌گیرد.

واژگان کلیدی: شعر در سده نقره‌ای، سمبلیسم، سنت، تفسیر، روز قیامت.